

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН». ЖАНР РОМАНА В СТИХАХ И ОРАТОРСКАЯ РЕЧЬ

Жанровые особенности «Евгения Онегина» явились предметом многочисленных исследований¹. В кругу вопросов, так или иначе связанных с проблемой жанра этого произведения, специальное внимание уделялось образу автора, принципам организации повествования, композиции, стилю. При этом, как правило, учитывалось пушкинское определение жанра «Евгения Онегина» как «романа в стихах», высказывание Пушкина, подчеркнувшего отличие романа стихотворного от романа прозаического: «пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница» (XIII, 73).

Роман в стихах соединял в себе прозу и поэзию, эпическое и лирическое начало. В этом соединении, скрепленном авторским «я», заключалось то, что во многом определяло своеобразие жанра «Евгения Онегина». В данном случае, как нам представляется, весьма показательно место, которое «Евгений Онегин» занимает в творческой эволюции Пушкина, связь «Евгения Онегина» как с пушкинской прозой, так и с пушкинской поэзией. Опыт романа в стихах, его тематика, проблематика, образная система, определившиеся принципы эпического повествования нашли свое отражение в прозе Пушкина — в «Арапе Петра Великого», «Романе в письмах», незавершенных светских повестях «Гости съезжались на дачу» и «На углу маленькой площади», «Повестях Белкина» и

---

¹ Библиография работ, посвященных жанру «Евгения Онегина» или же связанных с данной темой, весьма обширна. Назовем лишь некоторые из них, представляющие, с нашей точки зрения, наиболее значительные итоги ее исследования: Бахтин М. Слово в романе // Вопросы литературы. 1965. — № 8; Бочаров С. Г. Стилистический мир романа: «Евгений Онегин» // Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. — М., 1974; Виноградов В. В. Стиль и композиция первой главы «Евгения Онегина» // Русский язык в школе, 1966 — № 4; Винокур Г. Слово и стих в «Евгении Онегине» // Пушкин. — М., 1941; Гроссман Л. П. Онегинская строфа // Пушкин: Сборник первый. — М., 1924; Гуковский Г. А. «Евгений Онегин» // Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957; Лотман Ю. М. Роман в стихах «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучении текста. — Тарту, 1975; Тынянов Ю. Н. О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977; Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» и русский стихотворный роман. — Новосибирск, 1983 и др.

других прозаических произведениях². Сам переход Пушкина к прозе, как справедливо полагал Б. М. Эйхенбаум, был подготовлен «Евгением Онегиным»: в романе в стихах — «начало сюжетных построений, которые не нуждаются в стихе»³.

Вместе с тем, стихотворный роман «Евгений Онегин» был подготовлен предшествующей ему лирикой Пушкина, романтическими поэмами; в структуре романа в стихах нашли отражение многие лирические жанры — элегия, дружеское послание, эпиграмма⁴. «Евгений Онегин» оказал в свою очередь воздействие на развитие стихотворного повествования в произведениях Пушкина второй половины 1820-х — 1830-х гг.⁵.

Наличие в «Евгении Онегине» жанровых особенностей, присущих и лирическому, и эпическому произведению, определило то обстоятельство, что пушкинский роман вызвал подражания и пародии, написанные как в стихах, так и в прозе⁶. Не только поэты, но и прозаики пушкинского времени осваивали художественный мир «Евгения Онегина». Назовем среди них А. Полежаева — автора поэмы «Сашка», М. Воскресенского — автора романа в стихах «Евгений Вельский»⁷, поставщиков стихотворной беллетристики⁸,

² См.: Лежнев А. Проза Пушкина: Опыт стилового исследования. — Изд. 2-е. — М., 1966. — С. 207—215; Сидяков Л. С. Публицистика в художественной прозе Пушкина: Незавершенные произведения рубежа 1830-х годов и опыт «Евгения Онегина»//Пушкинский сборник. — Псков, 1973; «Евгений Онегин» и незавершенная проза Пушкина 1828—1830 годов/характеры и ситуации.//Проблемы пушкиноведения. — Л., 1975; «Евгений Онегин» и замысел светской повести рубежа 1830-х годов (к характеристике Онегина в седьмой главе романа).//«Замысел, труд, воплощение...» — М., 1977; «Евгений Онегин» и «Арап Петра Великого»//Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983.

³ Эйхенбаум Б. О поэзии. — Л., 1969. — С. 26.

⁴ См., например: Соколова К. И. Лирика Пушкина и роман в стихах: Некоторые аспекты взаимодействия//Проблемы современного пушкиноведения. — Л., 1981/; Асоян А. А. Эпиграмматические стихи в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»//Болдинские чтения. — Горький, 1983; Скачкова О. Н. Темы и мотивы лирики А. С. Пушкина 1820-х годов в «Евгении Онегине». Там же; Скачкова О. Н. Дружеское послание А. С. Пушкина и «Евгений Онегин»//Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983; Видова О. И. Поэтическая функция элегии в лиро-эпических произведениях А. С. Пушкина «Кавказский пленник», «Евгений Онегин». — Томск, 1984; Россина Н. Элегическая традиция в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»//Болдинские чтения. — Горький, 1986.

⁵ См.: Сидяков Л. С. Поэма «Домик в Коломне» и художественные искания Пушкина рубежа 30-х годов XIX века//Пушкинский сборник. — Псков, 1968; «Евгений Онегин», «Цыганы» и «Граф Нулин»: к эволюции пушкинского стихотворного повествования//Пушкин: Исследования и материалы. — Т. VIII. — Л., 1978; «Полтава» и «Евгений Онегин»: к характеристике повествовательной системы исторической поэмы Пушкина//Пушкин: Исследования и материалы. — Т. IX. — Л., 1979; Тамарченко Н. Д. К проблеме романа в творчестве А. С. Пушкина; «Евгений Онегин» и «Цыганы»//Болдинские чтения. — Горький, 1980.

⁶ См.: Розанов И. Н. Ранние подражания «Евгению Онегину». В кн.: Пушкин. Временник пушкинской комиссии, вып. 2, М. — Л., 1936; Михайлова Н. И. «Евгений Онегин» и «Московский Европеец» (о прозаической пародии на роман в стихах). В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX, Л., 1979.

⁷ См.: Турумова К. «Евгений Вельский» и его автор//Вопросы литературы. 1972 — № 8.

⁸ См.: Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» и стихотворная беллетристика 1830-х годов. В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1985.

А. Бестужева-Марлинского, откликнувшегося на «Евгения Онегина» повестью «Испытание»⁹, М. Н. Загоскина — автора пародии на «Евгения Онегина» — повести «Московский Европейец», создателей массовой светской повести¹⁰. «Евгений Онегин» оказал влияние на развитие русского прозаического романа XIX в. — на произведения Лермонтова, Тургенева, Л. Толстого¹¹, а также положил начало русскому стихотворному роману, жанровые особенности которого сказались в «Свежем преданье» Я. Полонского, «Возмездии» А. Блока, «Спекторском» Б. Пастернака¹².

Жанровая природа «Евгения Онегина», романа в стихах, как нам представляется, обуславливала его ориентацию на традицию красноречия. Эпическая форма романа — прозаического жанра — тяготела к риторическим построениям, нормативы которых определялись учебниками красноречия «Риториками» — они, по определению А. Ф. Мерзлякова, были «теорией всех прозаических сочинений»¹³ или, по определению Н. Ф. Кошанского, «руководством к познанию всех родов и видов прозы»¹⁴. Стихотворная форма романа обнаруживала, как было указано выше, его связь с другими лирическими жанрами, которые в свою очередь так или иначе могли соотноситься с жанрами ораторскими: ода — с похвальным словом¹⁵, элегия, образы и мотивы которой часто связаны с безвременным увяданием, ранней могилой, — с надгробным словом, послание как жанр гражданской лирики — с проповедью, манифестом, воззванием. Сфера воздействия ораторских жанров на пушкинский роман расширялась, таким образом, еще и благодаря его стихотворной форме.

Как известно, одна из существенных особенностей построения стихотворного романа Пушкина — установка на устную речь; это также сближало роман с ораторской культурой, связанной со

---

⁹ О полемике А. Бестужева-Марлинского с Пушкиным — автором «Евгения Онегина» в повести «Испытание» см.: Базанов В. Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика. — М., 1953, с. 406—419.

¹⁰ О переработке «Евгения Онегина» авторами массовой светской повести. См.: Иезуитова Р. В. Светская повесть. В кн.: Русская повесть XIX века. — Л., 1973.

¹¹ См., например: Благой Д. Д. От «Евгения Онегина» к «Герою нашего времени»: К вопросу о художественном методе Лермонтова // Благой Д. От Кантемира до наших дней. — Изд. 2-е. — Т. 1. — М., 1979; Вершинина Н. Л. Традиции «Евгения Онегина» в «Воине и мире» Л. Н. Толстого // Пушкинский сборник. — Л., 1977.

¹² См. Чумаков Ю. Н. К историко-типологической характеристике романа в стихах: «Евгений Онегин» и «Спекторский» // Болдинские чтения. — Горький, 1977; К традиции русского стихотворного романа: Пушкин-Полонский-Блок // Проблемы современного пушкиноведения. — Л., 1981.

¹³ Мерзляков А. Краткая риторика, или правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. — Изд. 3-е. — М., 1821. — С. 6.

¹⁴ Кошанский Н. Общая Риторика. Изд. 3-е. — СПб., 1834. — С. 2.

¹⁵ См.: Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977.

стихией устной речи. Но здесь следует дифференцировать речь разговорную, неупорядоченную и речь ораторскую, организованную по определенным риторическим законам.

16 ноября 1823 г. Пушкин писал А. А. Дельвигу о работе над «Евгением Онегиным»: «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь до-нельзя». (XIII, 75). В первой главе романа поэт называет свою лиру «болтливой» (VI, 19). В конце мая — начале июня 1825 г., видимо, опираясь в известной мере на свой опыт работы над стихотворным романом, Пушкин в письме давал совет А. А. Бестужеву: «...полно тебе писать быстрые повести с романтическими переходами, — это хорошо для поэзии байронической. Роман требует болтовни; высказывай все начисто». (XIII, 180). Комментируя утверждение Пушкина «Роман требует болтовни», Ю. М. Лотман отметил парадоксальность этого утверждения: «Парадокс здесь в том, что роман — жанр, исторически сложившийся как письменное повествование, — Пушкин трактует в категориях устной речи, во-первых, и нелитературной речи, во-вторых. И то и другое должно имитироваться средствами письменного литературного повествования»¹⁶. На протяжении повествования «Евгения Онегина» Пушкин дает понять читателю, что его роман «пишется» и в то же время «рассказывается». Так, в конце первой главы автор признается:

*Покаместь моего романа
Я кончил первую главу... (VI, 30).*

В конце же третьей главы — авторское признание иного плана, подчеркивающее не письменный, а устный характер изложения:

*Но следствия нежданной встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять и отдохнуть:
Докончу после как-нибудь. (VI, 73).*

В XXIX строфе первой главы установка на устную речь, которая передается с помощью письменной речи, заявлена в шутливом обращении к «почтенным супругам» и «маменькам»:

*О вы, почтенные супруги.
Вам предложу свои услуги;
Прошу мою заметить речь:
Я вас хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, построже
За дочерьми смотрите вслед:
Держите прямо свой лорнет!
Не то... не то, избави боже!
Я это потому пишу,
Что уж давно я не грешу. (VI, 17).*

¹⁶ Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. — Тарту, 1975. — С. 56.

Установка на «болтовню», «речь», «рассказ» была в полной мере реализована Пушкиным в «Евгении Онегине». Об этом свидетельствует восприятие романа читателями как непринужденной беседы, непосредственной речи, к ним обращенной. Так, П. А. Катенин, прочитав первую главу «Евгения Онегина», писал Пушкину 9 мая 1825 г.: «Кроме прелестных стихов, я нашел тут тебя самого, твой разговор, твою веселость...» (XIII, 169). Критик «Атеней» отмечал в 1828 г. «говорливость» пушкинского романа¹⁷. В заметке, помещенной в «Московском вестнике», было сказано: «Он рассказывает вам роман первыми словами, которые срываются у него с языка, и в этом отношении Онегин есть феномен в Истории Русского языка и стихосложения»¹⁸.

В связи с принятой Пушкиным манерой повествования небезынтересно привести свидетельство народного артиста РСФСР Я. М. Смоленского, читающего «Евгения Онегина» со сцены, обращающегося со звучащим пушкинским словом к читателям-слушателям. Режиссер онегинской программы Я. М. Смоленского С. В. Шевринский видел в установке Пушкина на доверительную, непринужденную беседу «важнейшее обстоятельство, без которого невысказано исполнение гениального романа в стихах»¹⁹.

Интонации разговорной речи, беседы, болтовни присутствуют в «Евгении Онегине» и в авторском повествовании, и в высказываниях героев, в их прямой и косвенной речи, включенной в текст романа. Пушкин широко вводит диалоги, по справедливому наблюдению Л. П. Гроссмана, «поддерживающие непосредственным сплетением реплик общий разговорный стиль романа»²⁰. «Они (диалоги — Н. М.), — пишет исследователь, — образуют своеобразную архитектуру отдельных строф и группируют в известном порядке целые отрывки глав (разговоры Онегина с Ленским, Татьяны с няней, Онегина с князем, старухи Лариной с деревенскими соседями, а затем с московскими кузинами и проч.)»²¹.

Приемы введения различных разговорных интонаций в текст романа в стихах рассмотрены в названных выше работах В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Л. П. Гроссмана, Ю. Н. Тынянова, Ю. М. Лотмана и др. Среди этих приемов следует прежде всего отметить, в связи с изучением ораторской речи в романе Пушкина, многочисленные авторские обращения.

Повествовательную ткань «Евгения Онегина» от его начала до конца пронизывают обращения к читателю и читателям романа. В этих обращениях образ читателя окружен ореолом различных экспрессивных оттенков: «читатель благородный», «достопочтенный мой читатель», «читатель благосклонный»; часто читатель пред-

¹⁷ «Атеней», 1828. — Ч. 1, № 4.

¹⁸ «Московский вестник», 1828. Ч. 8. — № 5. — С. 120—121.

¹⁹ Смоленский Я. В союзе звуков, чувств и дум. — М., 1976. — С. 30.

²⁰ Гроссман Л. Онегинская строфа//Пушкин: Сборник первый. — М., 1924. — С. 154.

²¹ Там же.

ставлен как друг автора. Роман начинается обращением к читателям — «друзьям Людмилы и Руслана» (I глава) и завершается прощанием с читателем, представленным в возможных противоположных по отношению к автору ипостасях — «друг — недруг» (VIII глава):

*Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель... (VI, 189).*

Пушкин обращается в романе не только к друзьям-читателям («То был, друзья, Мартын Задека», «Все это значило, друзья, — С приятелем стреляюсь я», «Друзья мои! Вам жаль поэта...» и др.), но и к своим друзьям. Посвящая роман своему другу и издателю П. А. Плетневу, Пушкин обращается к нему:

*Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя... (VI, 3).*

Есть в романе обращения к друзьям — поэтам Языкову и Баратынскому:

*Так ты, Языков вдохновенный,
В порывах сердца своего,
Поешь, бог ведает, кого,
И свод элегий драгоценный
Представит некогда тебе
Всю повесть о твоей судьбе. (VI, 86).*

*Певец пиров и грусти томной,
Когда б еще ты был со мной,
Я стал бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой:
Чтоб на волшебные напевы
Переложил ты страстной девы
Иноплеменные слова... (VI, 64—65).*

Пушкин обращается и к авторам — своим современникам, и к классикам, давно ушедшим из жизни: «Божественный Омир», «Ты, тридцати веков кумир». В романе много обращений к женщинам: «Зизи, кристалл души моей», «Мои богини!», «Причудницы большого света» и др.

Пушкин шутливо обращается к «блаженным мужьям», «почтенным супругам». IV строфа седьмой главы состоит из таких шутливых обращений:

*Вот время: добрые ленивцы,
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливицы,
Вы, школы Левшина птенцы,*

*Вы, деревенские Приамы,
И вы, чувствительные дамы,
Весна в деревню вас зовет,
Пора тепла, цветов, работ,
Пора гуляний вдохновенных
И соблазнительных ночей.
В поля, друзья! Скорей, скорей,
В каретах, тяжело нагруженных,
На долгих иль на почтовых
Тянитесь из застав градских. (VI, 140—141).*

Отметим и обращения автора к героям романа: «Татьяна, милая Татьяна!», «Мой бедный Ленский!»; пародийное обращение к «эпической музе»:

*Благослови мой долгий труд,
О ты, эпическая муза!
И, верный посох мне вручив,
Не дай блуждать мне вкось и вкривь. (VI, 163).*

Многочисленные авторские обращения создают образ многоликой аудитории, не только читающей, но и слушающей роман. При этом обращения являются показателем и разговорной, и ораторской речи. Н. Ф. Кошанский называет обращения среди «фигур мыслей, пленяющих сердце»: «Обращение, живое чувство говорящее к отсутствующему, бездушному и даже отвлеченному предмету. Оно предполагает во всем жизнь и трогает душу. Сия фигура способна для начала описаний и чрезвычайно употребительна: 1) у прозаиков, 2) у ораторов, 3) у поэтов»²².

К особенностям как разговорной, так и ораторской речи можно отнести иронический тон изложения, авторские сентенции, многочисленные цитаты и реминисценции, вкрапленные в роман. Заметим, что в «Евгении Онегине» Пушкин цитирует и ораторские тексты. Так, В. Набоков, а вслед за ним и Ю. М. Лотман указали на прямую цитату из речи Боссюэ «О смерти» в наброске строфы XIV^a второй главы романа, а также на отклики на речь Боссюэ в XXXVIII строфе второй главы²³. Данная цитата не исчерпывает, разумеется, всей цитации из ораторских текстов в «Евгении Онегине». Выявление цитат из ораторских текстов в «Евгении Онегине» с помощью привлечения широкого сопоставительного материала может явиться предметом специального исследования — оно представляется существенным и для историко-бытового комментария романа, раскрывающего многоплановость его содержания, и для постижения своеобразия его художественной формы, манеры повествования.

²² Кошанский Н. Ф. Общая Риторика. Изд. 3-е. — СПб., 1834. — С. 128.

²³ См.: Nabokov Vladimir. Eugene Onegin. A. Novel in Verse by Aleksander Pushkin. New York. — 1964. — V. 2. — P. 306. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий//Пособие для учителя. — Л., 1980. — С. 207—208.

Пушкин широко использует в изложении своего романа тропы и риторические фигуры. По классификации Н. Ф. Кошанского есть четыре типа риторических фигур: «фигуры от недостатка и избытка слов», «фигуры от повторения и сходства слов», «фигуры мыслей, действующие на воображение», «фигуры мыслей, пленяющие сердце». Каждый из этих типов представлен в романе Пушкина. Текст «Евгения Онегина» с точки зрения использования в нем риторических фигур может быть прокомментирован с помощью «Реторики» Н. Ф. Кошанского или же «Реторика» Н. Ф. Кошанского может быть проиллюстрирована текстом «Евгения Онегина». Приведем несколько примеров.

«Многосоюзие, прибавление союза и для большей выразительности и силы: 1) между словами, 2) между мыслями»²⁴.

*И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бежать... (VI, 105).
Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой верный Идеал,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый труд... (VI, 189—190).*

«Усугубление, повторение одного слова 1) дважды и трижды одного слова, через несколько слов для большей красоты и выразительности»²⁵.

*Татьяна, м и л а я Т а т ь я н а!
С тобой я вместе слезы лью:

Везде воображаешь ты
Приюты счастливых свиданий;
Везде, везде перед тобой
Твой искуситель роковой (VI, 57—58).*

«Единоначатие, когда несколько предложений или стихов сряду начинаются 1) одним словом или 2) иногда и двумя словами»²⁶.

*В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне. (VI, 165).*

Риторическая фигура единоначатия или прием анафоры осо-

²⁴ Кошанский Н. Общая Реторика. Изд. 3-е. — Спб., 1834. — С. 114.

²⁵ Там же. — С. 115.

²⁶ Там же. — С. 114.

бенно широко используется Пушкиным²⁷. По наблюдению Л. П. Гроссмана, этот прием часто усиливает лирический или драматический характер того или иного отрывка, как, например, в строфе, повествующей об угрызениях совести Онегина:

*То видит он: на талом снеге,
Как будто спящий на ноче, ле,
Недвижим юноша лежит,
И слышит голос: что ж? убит.
То видит он врагов забвенных,
Клеветников и трусов злых,
И рой изменниц молодых,
И круг товарищей презренных... (VI, 184).*

«Ответствование, когда сами вопрошаем и отвечаем. Сия фигура возбуждает внимание, любопытство и удовлетворяет оно-му»²⁸.

XXXVI

*...Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет,
Среди блистательных побед,
Среди вседневных наслаждений?
Вотще ли был он средь пиров
Неосторожен и здоров?*

XXXVII

*Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум... (VI, 20—21).*

«Отступление, искусный переход от одного предмета к другому. Служит к соединению частей Рассуждения.

Возвращение, переход от постороннего к главному предмету, последствие отступления. Сии две фигуры всегда следуют одна за другой, обращают ум от одной истины к другой и для ораторов необходимы»²⁹.

Как известно, так называемые лирические отступления являются композиционным принципом романа в стихах: в отступлениях находит свое выражение установка Пушкина на «свободный роман», воплощается многотемность произведения. Пушкин легко

---

²⁷ Небезынтересно заметить, что использование этой риторической фигуры, как, вероятно, и других фигур, было теоретически осознано Пушкиным. Отвечая в 1830 г. на критику Б. М. Федорова, он дискредитировал ее ссылкой на риторiku: «Г. Федоров в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4-ю и 5-ю главу («Евгения Онегина» — Н. М.), заметил, однако ж мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею Уж, что и назвал он ужами, а что в риторике зовется единоначатием». (XI, 149).

²⁸ Кошанский Н. Общая Риторика. — Изд. 3-е. — Спб., 1834. — С. 119.

²⁹ Там же. — С. 121.

и непринужденно скользит в отступлениях от темы к теме; оставив в стороне сюжетную канву романа, его героев, поэт рассуждает о жизни и смерти, о любви, дружбе, вспоминает события своей юности и исторические события России, говорит о театре и артистах, о литературе и литераторах, о своем творчестве и снова возвращается к сюжету романа, к его героям, чтобы потом снова, на время как бы забыв их, говорить о вечном обновлении природы и о смене литературных направлений, о своем грядущем бессмертии...

«Противоположение, искусство противопоставлять предмет предмету (контрасты) или мысль мысли (антитезы). Сия фигура сильно действует на воображение»³⁰.

*Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой... (VI, 37).*

*Кокетка судит хладнокровно,
Татьяна любит не шутя... (VI, 62).*

«Заклинание, призвание всех бедствий 1) на главу ненавистную — или 2) на свою собственную за нарушение клятвы.

Желание, прошение, требование всех благ или чего-либо чрезвычайного для себя, или существа, милого сердцу. Противоположна заклинанию, так как благословение проклятию. Употребляется в заключениях описаний и речей: 1) у ораторов, 2) у поэтов»³¹.

*Но вы, разрозненные томы
Из библиотеки чертей,
Великолепные альбомы,
Мученье модных рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной
Иль Баратынского пером,
Пушкай сожжет вас божий гром! (VI, 86).*

Заключение первой главы:

*Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань! (VI, 30).*

«Вопрошение, обращение мысли, или чувства на вопрос, не требующий ответа»³².

*Враги! Давно ли друг от друга
Их жажда крови отвела?*

³⁰ Кошанский Н. Указ. соч. — С. 124.

³¹ Там же. — С. 129—130.

³² Там же. — С. 130—131.

*Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дела
Делили дружно?.. (VI, 128—129).*

«Восклицание, невольное движение души, мысль, чувство, выходящее в сильной страсти»³³.

*О, кто б немых ее страданий
В сей быстрый миг не прочитал!
Кто прежней Тани, бедной Тани
Теперь в княгине б не узнал! (VI, 185).*

«К ней (к риторической фигуре восклицания — Н. М.) относится и совосклицание, то же восклицание, но только всегда оканчивающее речь, и притом заключающее в себе важную мысль»³⁴.

*Ах, братцы! Как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе.
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!*

Риторические приемы в значительной части текста «Евгения Онегина» преобразуют повествование в ораторскую речь, организованную по законам ораторского искусства. Автор — повествователь, рассказчик, собеседник читателя предстает и как оратор, и здесь существенное значение для восприятия его речей приобретает его образ, черты его личности. Ведь для того, чтобы слушатель мог быть убежден ораторской речью, тронут ею, важно, кто эту речь произносит. Уже в первой главе романа во второй ее строфе автор является перед читателем как создатель романтической поэмы «Руслан и Людмила» («Друзья Людмилы и Руслана»), опальный, ссыльный поэт («Там некогда гулял и я,/Но вреден север для меня»); последний процитированный нами стих сопровождался примечанием: («Писано в Бессарабии»). По ходу изложения постепенно высветливается лик ироничного повествователя, с легкой улыбкой рассказывающего о детстве и юности героя романа Онегина, насмешливо отзывающегося об образовании людей своего круга («Мы все учились понемногу/Чему-нибудь и как-нибудь,/Так воспитаньем, слава богу,/У нас немудрено блеснуть»); восторженного театрала (строфы XVIII—XX), человека, отдающего должное моде («Быть можно дельным человеком/И думать о красе ногтей:/К чему бесплодно спорить с веком?/Обычай деспот меж

³³ Кошанский Н. Общая Реторика. — Изд. 3-е. — Спб., 1834. — С. 130.

³⁴ Там же. — С. 130—131.

людей»), некогда страстного участника балов, поклонника женской красоты (строфы XXIX—XXXIV). Нравственный облик автора очерчен затем в XIX строфе:

*Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Непображательная странность
И резкий, охлажденный ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней. (VI, 23—24).*

Если в приведенной строфе автор сближается с героем романа, то затем подчеркивается их «разность» (LV, LVI строфы): автор признается в ценности для него деревенской жизни («Я был рожден для жизни мирной,/Для деревенской тишины:/В глуши звучащее голос лирный,/Живее творческие сны». «Цветы, любовь, деревня, праздность,/Поля! Я предан вам душой»). «Разность» автора и героя будет акцентирована и в композиционном конце романа — «Отрывках из путешествия Онегина». При этом существенным представляется наблюдение И. М. Семенко, указавшей на то, что создавая образ автора в «Евгении Онегине», Пушкин строит его как образ поэта: «на всем протяжении романа он отбирает для «автора» в основном только то, что в нем, Пушкине, является чертами поэта»³⁵. Но черты поэта-Пушкина это и черты Пушкина-человека, верного в дружбе, искреннего в любви, влюбленного в жизнь, преданного своей родине и своему народу. И эти черты также находят отражение на страницах романа. Сквозь призму многогранной личности автора — великого поэта и человека — воспринимаются те отрывки текста романа, которые построены как ораторская речь, высказанные в этих отрывках оценки и суждения. Это и рассуждения, в которых поэт высказывает свои душевные мысли о жизни и ее ценностях, о смерти и бессмертии; это и патетическая речь о театре, и полемика автора с «критиком строгим», высказывания о романтизме и о том методе, который родился в творчестве Пушкина и который мы называем реализмом; это и речи, которые автор произносит в защиту своих героев — Онегина и Татьяны.

---

³⁵ Семенко И. М. О роли образа «автора» в «Евгении Онегине»//Труды Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской. — Т. II. — Л., 1957. — С. 128.

Речь автора-оратора в некоторых случаях ориентирована на определенные ораторские жанры. В связи с этим уместно, как нам кажется, подчеркнуть то обстоятельство, что пушкинский роман в стихах включает в себя многие жанровые формы. О том, что в «Евгении Онегине» сказались лирические жанры (послание, эпиграмма, элегия и др.) мы уже говорили выше, ссылаясь на специальные исследования. Э. Г. Бабаев назвал «Евгений Онегин» «энциклопедией романического жанра»: «Пушкин создал первые классические образцы семейного романа, социального романа, исторического романа. И все это было сплавлено в единое целое в «Евгений Онегине»³⁶. Что же касается ораторских жанров, то, как нам представляется, при изучении «Евгения Онегина» должны быть учтены различные жанры церковного, политического, судебного, торжественного, академического, бытового и пародийного красноречия³⁷.

Обратимся, например, к речам автора в защиту Татьяны и Онегина. В данном случае, как нам представляется, можно говорить о том, что это своего рода «защитительные» речи, которые произносит Пушкин на своеобразном суде героев читателями и светским обществом.

В третьей главе, рассказав о том, что Татьяна — «невинная дева» пишет «необдуманное письмо» Онегину, еще не приводя текст этого письма, Пушкин прерывает повествование риторическим вопросом: «Татьяна! для кого ж оно?» Далее следует рассуждение о «красавицах недоступных» и «других причудницах», «самолюбиво равнодушных/Для вздохов страстных и похвал». Затем автор произносит речь в защиту Татьяны:

*За что ж виновнее Татьяна?
За то ль, что в милой простоте
Она не ведает обмана
И верит избранной мечте?
За то ль, что любит без искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что так доверчива она,
Что от небес одарена
Воображением мятежным,
Умом и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцем пламенным и нежным?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслия страстей? (VI, 62).*

³⁶ Бабаев Э. Г. Из истории русского романа XIX века: Пушкин, Герцен, Толстой. — М., 1984. — С. 44.

³⁷ О жанрах проповеди и надгробного слова, сказавшихся и в авторском повествовании, и в монологах главных героев романа, о преломлении в «Евгении Онегине» пародийного арзамасского красноречия см.: Михайлова Н. И. Роман «Евгений Онегин» и русская ораторская культура первой трети XIX в. // Пушкин: Исследования и материалы. — Вып. XIII. — Л., 1989.

В речи Пушкин использует такие риторические фигуры как вопрошение, единоначатие, многосоюзие. В качестве доводов к оправданию исчисляются высокие нравственные качества Татьяны, противопоставленной «красавицам недоступным», «причудницам». Логически завершает речь призыв, обращенный к читателям: «Ужели не простите ей/Вы легкомыслия страстей?»

В восьмой главе Пушкин показывает Онегина, представшего перед судом петербургского света. Разноречивые, но в целом неблагосклонные суждения общества даны в VIII строфе как какад риторических вопросов: «Все тот же он иль усмирился?/Иль корчит так же чудака?» и т. д. (Заметим, что в подобной же системе риторических вопросов были представлены оценки, которые давала Татьяна Онегину в XIV строфе седьмой главы.) Затем в следующей, XIX строфе, слово произносит автор романа:

*Зачем же так неблагосклонно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всем,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит,
Что слишком часто разговоры
Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры,
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна? (VI, 169).*

Используя риторические приемы (риторические фигуры вопрошения, единоначатия, форму «мы», объединяющую оратора со слушателями, что сообщает речи доверительный тон, делает ее более убедительной), Пушкин защищает своего героя и вместе с тем обвиняет его судей — «самолюбивых ничтожностей», представителей злой глупости, «важных людей», которым «важны вздоры». В речи содержится противопоставление Онегина его судьям: он, Онегин, — обладатель пылкой души и ума. Заключение речи «И что посредственность одна/Нам по плечу и не странна?» многозначительно: в подтексте этих слов возвышение Онегина над посредственностью, утверждение незаурядности его личности.

Еще один пример, связанный с бытовым красноречием. Описывая в четвертой главе обед Онегина и Ленского, Пушкин произносит шутивную речь, посвященную винам. Сравнивая ай и бордо, которые в свою очередь сравниваются с любовницей и другом, поэт-оратор завершает свое рассуждение своеобразным тостом (тост, как известно, — жанр бытового красноречия):

*Но ты, Бордо, подобен другу,
Который, в горе и в беде,*

*Товарищ всегда, везде,
Готов нам оказать услугу
Иль тихий разделить досуг.
Да здравствует Бордо, наш друг! (VI, 92).*

Разумеется, ораторские жанры не могут быть выявлены в «Евгении Онегине» в их чистом виде. Но, на наш взгляд, на основании вышеизложенного можно говорить об ориентации Пушкина на различные ораторские жанры, на их образы и мотивы, на широкое использование выразительных возможностей ораторского искусства, обращенного ко многим людям, к уму и сердцу каждого слушателя. Пушкин-поэт предстает перед нами и как выдающийся оратор своей эпохи, мастер ораторского слова, адресованного его современникам и нам, его потомкам.

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

**ПОСВЯЩАЕТСЯ
СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МАЙМИНА**

Псков 1991